ВЕСТНИК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 9 | 2016 | ФИЛОЛОГИЯ
Выпуск 3 | Сентябрь | ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
ЖУРНАЛИСТИКА

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Адоньева С. Б. Обращение в устной речи и конвенции социальных отношений 5
Веселова И. С. Управление реальностью: личные имена в ритуальной речи (северно-русское «Виноградье») 15
Куприянова С. О. Номинации адресата в колыбельных песнях 24
Мариничева Ю. Ю. К вопросу об именах собственных в русской сказочной речи 34
Семенова А. С. «А я, мальчик, на чужбине позабыт от людей»: автореферентные номинации в необрядовых песнях 41
Гуськов Н. А. Лирический субъект в поэзии А. П. Сумарокова 46
Калинин И. А. Виктор Шкловский versus Роман Якобсон: война языков 55
Сергеева Н. А. К вопросу о признаках неклассической прозы: Ф. В. Булгарин и В. Ф. Одоевский 64
Большев А. О. Ситуация коммуникативного кризиса в колымской прозе В. Шаламова (к проблеме рассказывания о трансцендентном) 74
Ляпушкина Е. И. «…о том следует молчать» («UltimaThule» Набокова и философия молчания) 83
Мовнина Н. С. Концепция долга в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» в контексте этических поисков середины XIX в. 92
Аствацатуров А. А. Андрей Иванов и Генри Миллер: опыт сопоставительного анализа 101
Григорьева Е. Н. Мотивный анализ рассказа В. Набокова «Посещение музея» 109
Мейер-Фраатц А. Военное тело в романе «Асан» Владимира Маканина 120

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

Овчарская О. В. «Малая пресса» 1880-х годов как массовая литература: шаблон, повтор, автоповтор 129
Степанова А. С. Псевдоантитеза в рассказе А. П. Чехова «Ионыч» 138

ЖУРНАЛИСТИКА

Бережная М. А. Доминанты аудиовизуального текста в аспекте исследования ТВ-дискурсов 147
Пронин А. А. Авторские стратегии Р. Либерова в фильмах «Иосиф Бродский. Разговор с небожителем» и «Написано Сергеем Довлатовым» 157

ХРОНИКА, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

Белобратов А. В. Русская литература в немецкоязычном пространстве: 250 лет вместе (Jürgen Lehmann: Russische Literatur in Deutschland. Ihre Rezeption durch deutschsprachige Schriftsteller und Kritiker vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Stuttgart: Verlag J. B. Metzler, 2015. 417 S.) 167
Бухаркин П. Е., Стречень Л. Л. 400 лет латиноязычной литературы Украины (Трофимук М. С. Латиномовна література України XV–XIX ст.: жанри, мотиви, ідеї. Львів: Львівский національний університет ім. І. Франка, 2014. 380 с.) 170
Гуськов Н. А. I международная научная конференция «Русская литература в переводах на иностранные языки. Русский литературный канон: центры и периферия», Краков, 22–23 октября 2015 г. 176
Казанскене В. П. О Двенадцатом Международном конгрессе балтистов, состоявшемся 28–31 октября 2015 г. в г. Вильнюсе (Литва) 180
Степанов А. Д. Новые англоязычные работы о Чехове 187

IN MEMORIAM

Памяти Александра Сергеевича Герда (1936–2016) 194

На наш журнал можно подписаться по каталогу «Пресса России».
Подписной индекс 36319

Свидетельство о регистрации СМИ № ФС77-36048
от 22 апреля 2009 г. (Роскомнадзор)

Учредитель: Санкт-Петербургский государственный университет

Редактор
Компьютерная верстка *Ю. Ю. Таурина*

Подписано в печать ответственным редактором серии 00.00.2016.
Формат 70×100 1/16. Усл. печ. л. 00,0. Уч.-изд. л. 00,0. Тираж 150 экз. (1-й завод). Заказ № 162. Цена свободная.

Адрес Издательства СПбГУ: 199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11.
Тел./факс 328-44-22

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

CONTENTS

LITERARY STUDIES

Adonyeva S. B. Addressing in Oral Speech and Frames of Social Network 5
Veselova I. S. Transforming Reality: Personal Names in Ritual Speech (*Vinogradyo* — Carols from the North of Russia) 15
Kupriyanova S. O. The Addressee Nominations in Lullabies 24
Marinicheva Ju. Ju. On Proper Names in Russian Fairy Tales 34
Semenova A. S. "A ja, mal'chik, na chuzhbine pozabyt ot l'udej": Self-nominations in Non-Ritual Songs 41
Guskov N. A. Lyrical Subject in the Poetry of A. P. Sumarokov 46
Kalinin I. A. Shklovsky vs. Jakobson: A War of Languages 55
Sergeeva N. A. Revising the Characteristics of the Non-Classical Prose: F. V. Bulgarin and V. A. Odoevsky 64
Bolshev A. O. Communication Crisis in the Kolyma Tales by V. Shalamov: On Narrating the Transcendent 74
Liapushkina E. I. "…thereof one must be silent" (Nabokov's "Ultima Thule" and the Philosophy of Silence) 83
Movnina N. S. The Conception of "Dolg" in I. S. Turgenev's Novel "Home of the Gentry" and the Ethical Ideas in the Mid-19th Century 92
Astvatsaturov A. A. Andrei Ivanov and Henry Miller: Comparative Analysis 101
Grigorieva E. N. Analysis of the Motives in "The Visit to the Museum" by V. Nabokov 109
Meyer-Fraatz A. The body of war in Vladimir Makanin's novel *Asan* 120
Ovcharskaia O. V. "Petty press" of 1880s as Paraliterature: Commonplace, Repetition, Self-Repetition 129
Stepanova A. S. Pseudoantithesis in Short Story *Ionych* by A. Chekhov 138

JOURNALISM

Berezhnaia M. A. Dominants of Audiovisual Text in the Aspect of TV Discourses Research 147
Pronin A. A. The Diegetic Narrator in the Documentary-Portrait 157

REVIEWS AND CHRONICLES

Belobratow A. V. Russian Literature in the Regions of the German Language: 250 Years Together (A review on the book: Jürgen Lehmann: Russische Literatur in Deutschland. Ihre Rezeption durch deutschsprachige Schriftsteller und Kritiker vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Stuttgart: Verlag J. B. Metzler, 2015. 417 S.) 167
Bukharkin P. E., Stretchen L. L. 400 years of Latin literature in Ukraine (A review on the book: Trofymuk M. S. Latin Literature of Ukraine in the15-19th centuries: Genres, motifs and ideas. — Lviv: Lviv National University named after I. Franko, 2014. 380 p.) 170

Guskov N. A. The 1st International Scientific Conference "Russian Literature in Translations INTO Foreign Languages. The Russian Literary Canon: The Center and the Periphery", Kraków, Poland, October 22–23 2015 176
Kazanskene V. P. The 12thInternational Congress of Balticists, October 28–31 2015, Vilnius, Lithuania 180
Stepanov A. D. New Works on Chekhov in English 187

IN MEMORIAM

In memoriam of Alexandr Sergeevich Gerd (1936–2016) 194

УДК 82.02 Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2016. Вып. 3

И. А. Калинин

ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ VERSUS РОМАН ЯКОБСОН: ВОЙНА ЯЗЫКОВ

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Многолетняя дружба Виктора Шкловского и Романа Якобсона, сменившаяся постепенным охлаждением отношений и закончившаяся полным разрывом, уже почти сто лет является предметом многочисленных исследований. Интерес к личной ссоре и очевидность многочисленных психологических, биографических и исторических факторов, сделавших разрыв практически неизбежным, почти полностью редуцировали собственно теоретический сюжет, с самого начала определявший эволюцию их отношений. История их отношений может быть развернута как история столкновения двух перспектив развития современного гуманитарного знания, как история столкновения двух теоретических метаязыков, двух способов обоснования границы между языком поэзии и языком как таковым, между субъектом и языком, между языком и действительностью. Библиогр. 22 назв.

Ключевые слова: В. Шкловский, Р. Якобсон, русский формализм, структурализм, поэтический язык.

SHKLOVSKY VS. JAKOBSON: A WAR OF LANGUAGES

I. A. Kalinin

Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The longstanding friendship between Viktor Shklovsky and Roman Jakobson, which gave way to a gradual cooling of relations and finally arrived at a complete rupture, has for almost a century been the subject of numeral scholarly researches. The reality of personal conflict and the obviousness of the multiple psychological, biographical and historical causes that made this conflict inevitable have nearly completely obscured the persistent theoretical dimension of the evolving relationship between the two men. The story of their relationship may be interpreted as a history of the clash of two perspectives on the development of the humanities, as a history of clash of two metalanguages or of two ways to see the relationships between poetic language and language, between the subject and language, and between language and reality. Refs 22.

Keywords: V. Shklovsky, R. Jakobson, Russian formalism, structuralism, poetic language.

> Мировое признание запоздало на 25 или даже на 35 лет. Теперь я признан. Теперь мой прежний друг Роман Якобсон утверждает, что он, а не я, создал то, что называлось «формальным методом» и что родило структурализм. Идет поздний и ненужный спор, и об этом тоже много пишут.
>
> *Виктор Шкловский*

Многолетняя дружба Виктора Шкловского и Романа Якобсона, их интеллектуальное товарищество, сменившиеся постепенным охлаждением отношений, а затем завершившиеся полным разрывом, уже почти сто лет являются предметом сплетен и темой для мемуаров, научных статей и даже документального кино (см.: [Непевный]). Очевидно, что причинами этого разрыва были не только различия в биографических траекториях, по-разному вписанные в принципиально отличающиеся друг от друга исторические контексты. Нельзя сводить причины этого раз-

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.307

рыва и к чисто психологическим мотивам, каковы бы они ни были: соперничество за благосклонность Эльзы Триоле, борьба за интеллектуальное лидерство внутри ОПОЯЗа, взаимная ревность в отстаивании той роли в развитии формализма, которую каждый из них ретроспективно стал приписывать себе с середины 1950-х годов. Все эти причины и мотивы, безусловно, имели место, накладываясь друг на друга и выводя бывших друзей на новые витки напряжения. Результатом этой насыщенной фабульной фактуры стала следующая аналитическая аберрация: личная ссора и очевидность многочисленных психологических, биографических и исторических факторов, сделавших эту ссору практически неизбежной, почти полностью редуцировали из разговора о Шкловском и Якобсоне собственно теоретический сюжет, с самого начала определявший эволюцию их отношений.

Последний литературный секретарь Виктора Шкловского Александр Галушкин в статье, посвященной ссоре между Шкловским и Якобсоном, которая, постепенно оформившись в конце 1950-х, разразилась в 1964-м, приводит три разных объяснения ее причины. Первый вариант указывает на публикацию статьи Шкловского «Поэзия грамматики и грамматика поэзии» с резкой критикой одноименной статьи Якобсона (версия Александра Чудакова) [Чудаков, с. 94]. Второй вариант мотивирует разрыв отсутствием даже упоминания о Якобсоне в мемуарной книге Шкловского «Жили-Были» (1963 г.), где в главе, рассказывающей об истории ОПОЯЗа, нет ни слова о московском соратнике по формализму (версия Георгия Левинтона) [Левинтон, с. 134–135]. Наконец, Омри Ронен видит причину произошедшего разрыва в изъятии из предисловия к новому изданию романа Шкловского «ZOO» относящихся к Якобсону слов «друг и брат мой», имевшихся в первых изданиях [Ронен]. При всех различиях эти версии имеют два общих момента. Во-первых, все они винят в том, что случилось, Шкловского. И, во-вторых (и это главное), все они опираются на психологическую мотивировку, говоря о взаимно накапливающихся обидах, неудовлетворенном тщеславии Шкловского, граничащей с хамством резкости Якобсона, или, в лучшем случае, об их конкуренции за собственные версии авангардного прошлого — формализма, а также за место в истории литературного процесса 1920-х годов в целом. Версия самого Галушкина суммирует все эти мотивы, добавляя к ним еще один — открыто критическую рецензию Якобсона на книгу Шкловского о Достоевском «За и против» [Шкловский, 1957], которую Якобсон написал за несколько лет до рецензии Шкловского на его статью «Поэзия грамматики и грамматика поэзии», таким образом первым начав открытое публичное противостояние [Галушкин].

Во всех перечисленных выше интерпретациях теоретические разногласия сводятся к психологическому напряжению и этическим оценкам того, как каждый из ученых распорядился своей жизнью. Особенно это характерно для рецепции поздних работ Виктора Шкловского, в которых он пытается вернуться к концептуальным началам русского формализма, осмыслив их с позиции последующего исторического опыта и с позиции последующего развития науки[1]. При этом постановка тех или иных теоретических или историко-литературных вопросов увязыва-

[1] Большинство поздних работ Шкловского обладают этим ретроспективным измерением, скрещивая новый анализ литературного материала с обращениями к тому, как работал с этим материалом ранний формализм, и с исторической рефлексией, стремящейся объяснить позднейшую судьбу формализма (см.: [Шкловский 1970; 1981; 1983]).

ется Шкловским с необходимостью разрешения внутренней, интимной, биографической проблемы (что, впрочем, всегда было характерно для его стиля мышления). В данном случае этой проблемой стало понимание причин разрыва с Якобсоном. Однако, если для Шкловского личный спор и ссора с Якобсоном оказываются результатом теоретических разногласий, последующие интерпретаторы этой отчетливо биографической, но одновременно исторической и идеологической контроверзы практически полностью игнорируют наличие в ней собственно теоретических оснований. Обнажение индивидуальных психологических мотивировок оказывается интереснее, чем поиск фундаментальной концептуальной логики, которая неотвратимо вела двух теоретиков к всё большему взаимному непониманию. Речь идет о таких теоретических основаниях, различия в которых с самого начала, хотя и имплицитно, присутствовали в их ви́дении природы поэтического языка. С начала 1930-х годов в работах Якобсона (которому не пришлось, как Шкловскому, радикально менять не только метод, но и сам стиль интеллектуального письма) эти различия становятся все более эксплицитными, делаясь предметом критического осознания двигающегося к структурализму ученого.

Игнорирование этих различий приводит к еще одной принципиальной историко-теоретической мистификации. Поскольку отношения между формализмом и структурализмом во многом были персонализированы как отношения между Шкловским и Якобсоном, попытки первого проблематизировать становящуюся все более авторитетной генеалогию, указав на принципиальные различия между двумя подходами к литературе, не воспринимались всерьез. Наоборот, они стали толковаться как сознательное или бессознательное усилие, предпринятое Шкловским специально для того, чтобы объяснить себе самому и осведомленной части своих читателей причины своего разрыва с Якобсоном, а также оправдать правильность сделанного им в 1923 г. выбора в пользу возвращения в советскую Россию. Таким образом, желание обозначить теоретическую дистанцию объясняется как рационализация чисто психологических мотивов, биографических обстоятельств и исторического выбора, а отрицание Шкловским формалистской генеалогии структурализма воспринимается как ретроспективная попытка объяснить печальную историю распавшейся дружбы и снять с себя чувство вины перед другом. Иными словами, акцент на теоретических разрывах, пронизывающих историю науки, оценивается как желание создать культурное алиби, прикрывающее этическую и психологическую скандальность «реальной человеческой истории». В результате история теоретических отношений между формализмом и структурализмом оказывается историей о том, как поссорились Виктор Борисович с Романом Осиповичем. При этом личная ссора становится лишь еще одним аргументом для тех, кому прямая генеалогическая связь между формализмом и структурализмом кажется очевидной: актуализация теоретических различий, опирающаяся на позицию самого Шкловского, дезавуируется как попытка придать персональным амбициям основателя ОПОЯЗа концептуальный фундамент. Однако эта история может быть рассказана и по-другому. Это может быть история о двух теоретических метаязыках, о двух способах обоснования границы между языком поэзии и практическим языком, между субъектом и языком, между языком и действительностью. Это может быть история о том, как один видел два языка там, где другой видел язык в разных его проявлениях.

Расподобление законов прозаического и поэтического языка на основании принципиально разных типов экономики (закон сохранения психических усилий и закон ее «дополнительной траты») — одно из центральных мест раннего формализма. И в этом его главное отличие от будущего структурализма, записавшего формализм в свои предшественники. Для структурализма есть **язык** и его универсальные механизмы, работа которых в зависимости от ситуации может подчеркивать тот или иной элемент языковой деятельности, реализуя ту или иную языковую функцию. Так, одновременно наиболее фундаментальная и наиболее развернутая модель языковых функций, предложенная Р. О. Якобсоном в его структуралистский период, включала в себя шесть языковых функций [Якобсон, 1975]. Логика их расподобления носит телеологический характер: в зависимости от той или иной цели (коммуникации, экспрессии, метаописания, установления контакта, команды или установки на выражение) язык реализует одну из своих функций. Структурно отношение между единством языка и разнообразием функций описывается через иерархические отношения между целым и частями. Имея свои особенности, функциональные версии языка не противопоставлены друг другу, но дополняют друг друга, вписываясь в различные горизонты целеполагания. Как пишет сам Якобсон: «*Несомненно, что для любого языкового коллектива, для любого говорящего, единство языка существует; однако этот всеобщий код (over-all code) представляет собой систему взаимосвязанных субкодов*» [Там же, с. 202]. Эта взаимная дополнительность позволяет функциональным субкодам одновременно соприсутствовать внутри конкретного речевого сообщения, иерархически распределяясь в зависимости от доминантной функции. Такова позиция Якобсона образца 1960-го.

Однако уже в середине 1930-х годов в своем лекционном курсе «Формальная школа и современное русское литературоведение», прочитанном по-чешски в университете Брно, он открыто отрицает принципиальное разграничение практического и поэтического языков, фундаментальное для формалистов. Якобсон определяет интерес опоязовцев к поэтическому языку, который они описывали через аналитическую оптику телеологии, как часть неосознаваемого ими самими общего движения языкознания, освобождавшегося от детерминистского взгляда, характерного для младограмматической языковой теории. Более того, Якобсон упрекает их не только в непонимании собственных концептуальных оснований, но и в характерной идейной декларативности, позволяющей отвлечься от постановки действительно важных научных задач: «*…тезис о принципиальном отличии поэтического языка стал отправной точкой формализма. Конечно, гораздо легче было констатировать различие, нежели точно определить и сформулировать, в чем, собственно, это различие заключается*» [Якобсон, 2011, с. 72]. Так, разбирая лингвистические попытки Льва Якубинского конкретизировать эти различия, он не только дезавуирует их, но и указывает на теоретическую наивность позиции, утверждающей наличие принципиально различных логик, стоящих за практическим и поэтическим языками (каузальную и телеологическую соответственно): «*Некоторые первооткрыватели новой науки о поэтическом языке даже не отдавали себе отчет в том, что и язык в его иных функциях требует новых, отвечающих духу эпохи методов исследования. Они даже провозглашали (например, Эйхенбаум), что науку о поэтическом языке непременно отличает от науки о практическом языке телеологическая позиция и что первая принадлежит к наукам, изучающим культу-*

ру, а вторая — к наукам естественным» [Там же, с. 63]. Для формалистов расподобление языков на основании их собственной логики (отношение между языком, языковым субъектом и миром значений и форм) воспроизводилось даже на уровне разграничения дисциплинарных полей: поэтика — наука о культуре, лингвистика — естественная наука. Для Якобсона же к середине 1930-х годов представляется уже совершенно очевидным, что во всех случаях необходимо говорить о целеполагании (телеологии), проводя различия исключительно в плоскости различия конкретных целей.

Напротив, русский формализм исходил не просто из столкновения разных функций языка, но из столкновения различным образом организованных **языков**. На чем и 60 лет спустя продолжал настаивать Шкловский, уже знавший о структуралистском продолжении формалистских начинаний: «*Структуралисты стараются понять литературу из законов слова, но мы-то начали с того, что слово различно; поэтическое слово — оно другое, чем слово прозаическое*» [Шкловский, 1983, с. 90]. Независимо от того, за кем останется последнее слово в дискуссии о соотношении естественного языка и языка поэтического, установка на конфликт двух языков — который, с точки зрения Шкловского, разворачивается не только в пространстве **между** ними, но и **внутри** каждого из них — позволила раннему формализму выделить литературу в качестве специфического объекта (не совпадающего ни с общественной мыслью, ни с психологией писателя, ни с языком как таковым). И если теоретический пафос формализма был направлен на выделение поэтического языка как специфического объекта изучения, как автономного явления, подчиняющегося своим собственным законам, то аналитические усилия структурализма были направлены на то, чтобы нормализовать поэтический язык как всего лишь одно из проявлений общего языка коммуникации[2]. В результате поэтика растворялась в языкознании, литература — в языке, повествование — в предложении[3].

Тот теоретический потенциал, который может быть обнаружен в тезисах Шкловского и раннего ОПОЯЗа (остранение, деавтоматизация, прием затрудненной формы и необходимость затрачивать дополнительные усилия для ее восприятия, акцент на «делании» в противовес «сделанному»), совершенно не связан с описанием поэтического языка как примера «развития человеческой способности изъясняться» [Мукаржовский, с. 77]. Он связан с описанием момента высвобождения энергии наслаждения, возникающего при столкновении человека с поэтической формой. В то же время этот теоретический потенциал связан с обнаружением того, что позднее назовут моделирующей функцией литературы, производством нового опыта, формирующего новое отношение к миру.

Поэтический язык представал в работах Шкловского не как инструмент выражения внутренне стабильного субъекта, сознательно и целенаправленно реализующего свою «способность изъясняться» и преображающего мир в поэтический репрезентации. Наоборот, эффектом работы поэтического языка была дестабилизация самого языкового субъекта, проблематизация его речевой способности,

---

[2] Вплоть до последней своей книги Шкловский будет отрицать этот универсализирующий ход, каждый раз обращаясь к Якобсону как к другу и оппоненту: «*Друг мой, зачем ты сужаешь тему? Зачем ты переводишь… искусство драмы, прозы и поэзии на языкознание?*» [Шкловский, 1983, с. 112–113].

[3] Ср.: «*…любой рассказ — это большое предложение, а повествовательно предложение — это в известном смысле наметка небольшого рассказа*» [Барт, с. 391].

выведение на сцену табуированных обыденным языком сексуальных влечений. Шкловский описывает поэтическую образность — то, что он называет *поэтическим параллелизмом* — именно как сублимацию либидо, как революцию языка, дающую выход подавленному сексуальному желанию[4]. Одновременно с этой проблематизацией рациональной автономии субъекта поэтический язык, с точки зрения Шкловского, преображал мир, но не внутри эстетических рамок репрезентации (позиция структурализма), а вне их — он моделировал реальный человеческий опыт, способы взаимодействия человека с миром. Иными словами, поэтический язык, согласно Шкловскому, преобразовывал не репрезентацию мира, а сам мир. Цитирую позднего Шкловского: «*Языковой анализ чрезвычайно важен, и важно, что поэзию изучает наука, но не забудем того, что поэт и поэзия не только порождаются жизнью, но они и порождают жизнь… [поэт] предваряет наш опыт… модели мира созданы в поэзии, созданы для того, чтобы перестроить мир. Да, это слова, но слова особенные, которые ощущаются ртом, обновляют мышление, сбивают склероз понятий*» [Шкловский, 1970, с. 249–250].

Когда Эйхенбаум (равно как и Шкловский) противопоставлял науки о поэтическом и практическом языке как науку о духе и науку о природе, он подчеркивал, вслед за Вильгельмом Дильтеем, то, что наука о поэтическом языке занимается множеством неповторимых сингулярностей, из которых нельзя вывести построенные на повторении регулярные законы, которыми оперируют науки о природе. Это был подход, видящий своим предметом не столько поэтический язык, сколько конкретный поэтический текст.

Читая раннего Шкловского и его поздние тексты, ретроспективно возвращающиеся к началу, можно увидеть, что теория поэтического языка, которую он выстраивал, прочитывается как наивная только с позиций структурализма, еще не столкнувшегося с собственными границами и потому не проблематизировавшего собственные основания. Но она выглядит как пионерская с точки зрения иных (уже постструктуралистских) представлений о субъекте, репрезентации и отношениях субъекта с языком и миром.

Так, скажем, статья Шкловского «О поэзии и заумном языке» (1916) начинается именно с вопроса о репрезентации, точнее, с указания на ее проблематичность. Оттолкнувшись от романтической проблемы невыразимого, Шкловский и не пытается ее решить [Шкловский, 1990, с. 45]. Наоборот, он обходит саму нужду в репрезентации (внешней реальности или внутреннего мира поэта), посвящая свою статью слову, освободившемуся от самой этой нужды. Он приводит в пример «заветные сказки» Афанасьева, загадки и пословицы с эротическим подтекстом, сопровождающиеся сексуальной телесной экстатикой глоссолалии сектантов, факты квазиэротического наслаждения артикуляцией лишенного смысла речевого потока. Шкловский одержимо перечисляет примеры, когда слово работает не как семиотический знак, связывающий звуковую оболочку и представление определенного фрагмента реальности, а как чистый звуковой жест. Жест, являющийся не представлением реальности, но ее частью. Жест, устанавливающий отношения не между словом и реальностью, а между словом и произносящим/или воспринимающим его субъектом.

[4] На этой перспективе выстроен анализ большинства примеров в классических ранних работах Шкловского «Искусство как прием», «О поэзии и заумном языке» (см. также: [Калинин, 2006; 2014]).

Причем основой, устанавливающей эту связь, оказывается, согласно Шкловскому, не структура значения (так, как понимала его структурная лингвистика и поэтика), а механизм желания, реализуемого в произвольном «танце» означающих (так, как понимал его лакановский психоанализ и поструктурализм): «*В наслаждении ничего не значащим заумным словом несомненно важна произносительная сторона речи. Может быть, что даже вообще в произносительной стороне, в своеобразном танце органов речи и заключается большая часть наслаждения, приносимого поэзией*» [Там же, с. 56]. То есть перед нами даже не акцент на звучащей стороне поэтического слова — это не установка на выражение (как сказал бы Якобсон), а установка на физически ощущаемое и оргиастически переживаемое произношение («*слова…, которые ощущаются ртом*»), установка на мышечное усилие, «*артикуляторный жест*», миметически связанный с попыткой заразить воспринимающего тем аффектом, который испытывает говорящий.

Отталкиваясь от позитивистского принципа экономии психических усилий, Шкловский (и ранний формализм в целом) вписывает поэтический язык в совершенно иную экономическую модель, нежели язык естественный. Как известно, политэкономия поэтического языка описывается Шкловским не через механизмы сохранения энергии, а через механизмы ее траты. Поэтический язык — это язык «затрудненной формы», для восприятия которой необходимо дополнительное усилие, дополнительная инвестиция желания, интенсивность которого связана именно с откладыванием его высвобождения, обеспечиваемым благодаря постулируемой затрудненности поэтической речи. В какой-то степени Шкловский вообще отказывается от классической семиотической модели значения, структурирующей отношения между знаком и смыслом. Он описывает пространство поэтического языка как пространство чистого движения, отношения материалов и поверхностей, соприкосновение которых и производит наслаждение; стремление к нему превращает артистический жест в базовую антропологическую потребность, выходящую далеко за пределы искусства, равно как и за пределы рационального субъективного целеполагания. Характерно, что и спустя 65 лет после того, как были сформулированы эти ранние положения ОПОЯЗа, Шкловский без изменений воспроизводит тот же взгляд на поэтический язык, причем делает это даже более откровенно: «*И тогда нам пришла мысль, что вообще поэтический язык отличается от прозаического, что это особая сфера, в которой важны даже движения губ; что есть мир танца: когда мышечные движения дают наслаждения… и что искусство есть задержанное наслаждение, или, как говорил Овидий Назон в “Искусстве любви”, любя, не торопись в наслаждении*» [Шкловский, 1983, с. 72].

Наслаждение «произносительной стороной речи», о котором пишет Шкловский, подключает его к совершенно иной теоретической традиции, нежели та, которую будет олицетворять собой Якобсон. Ранний формализм, заявивший о себе вместе с заумью футуристов, противостоял классической поэтике выразительности, которой будет наследовать структурализм. В случае формализма перед нами не начало очередной теории репрезентации, а движение в сторону того, что позднее, в работах Р. Барта и Ю. Кристевой, будет обозначено через понятие «текстуальность», высвободившее описание процесса смысло- и формопроизводства из-под власти сознательных интенций автономного субъекта, обнаружившее более фун-

даментальный уровень текста, связанный с бессознательными механизмами желания, превращающими текст в свободную игру означающих.

И в перспективе этих теоретических водоразделов история ссоры Виктора Борисовича с Романом Осиповичем предстает уже не историей ссоры из-за женщины, масштабов прижизненной славы или стремления переписать под себя историю науки, а историей столкновения двух перспектив развития современного гуманитарного знания.

Литература

Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. / сост., общ. ред. Г. К. Косикова. М.: МГУ, 1987. С. 376–422.

Галушкин А. Еще раз о причинах разрыва В. Б. Шкловского и Р. О. Якобсона // Роман Якобсон. Тексты, документы, исследования. М.: РГГУ, 1999. С. 136–143.

Калинин И. История литературы как Familienroman (русский формализм между Эдипом и Гамлетом) // Новое литературное обозрение. 2006. Вып. 80. С. 64–84.

Калинин И. Формальная теория сюжета / структуралистская фабула формализма // Новое литературное обозрение. 2014. Вып. 128. С. 97–124.

Левинтон Г. А. Заметки о Хлебникове // Русский авангард в кругу европейской культуры: матер. конф. «Русский авангард в кругу европейской культуры». (Москва, 4–7 января 1993 г.) / под ред. Н. П. Гринцер. М.: Науч. совет по истории мировой культуры РАН, 1993. С. 125–137.

Мукаржовский Я. О поэтическом языке // Структуральная поэтика. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 76–131.

Непевный В. Виктор Шкловский и Роман Якобсон: Жизнь как роман: документальный фильм. Россия: телеканал «Россия — Культура», 2009.

Ремизов А. Кукха. Розановы письма. Берлин: Изд-во З. И. Гржебина, 1923. 231 с.

Ронен О. Audiatur et altera pars: О причинах разрыва Романа Якобсона с Виктором Шкловским // Новое литературное обозрение. 1997. Вып. 23. С. 164–168.

Чудаков А. П. Спрашиваю Шкловского // Литературное обозрение. 1990. Вып. 6. С. 93–103.

Шкловский В. Б. За и против. Заметки о Достоевском. М.: Советский писатель, 1957. 260 с.

Шкловский В. Б. Тетива. О несходстве сходного. М.: Советский писатель, 1970. 376 с.

Шкловский В. Б. Энергия заблуждения. Книга о сюжете. М.: Советский писатель, 1981. 352 с.

Шкловский В. Б. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. 383 с.

Шкловский В. Б. О поэзии и заумном языке // Гамбургский счет: статьи — воспоминания — эссе (1914–1933). М.: Советский писатель, 1990. С. 45–58.

Шкловский В. Б. Письма внуку // Вопросы литературы. 2002а. Вып. 4. С. 264–300.

Шкловский В. Б. Третья фабрика // «Еще ничего не кончилось…». М.: Пропаганда, 2002б. С. 333–394.

Эрлих В. Русский формализм: история и теория. СПб.: Академический проект, 1996. 352 с.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против» / под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

Якобсон Р. О. Формальная школа и современное русское литературоведение. М.: Языки славянских культур, 2011. 280 с.

Для цитирования: Калинин И. А. Виктор Шкловский versus Роман Якобсон: война языков // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 3. С. 55–63. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.307.

References

Barthes R. G. Introduction to the Structural Analysis of Narratives. *Zarubezhnaia estetika i teoriia literatury XIX–XX vv.* [*An Introduction to the Structural Analysis of Narrative*]. Comp., ed. by G. K. Kosikov. Moscow, Moscow State Univ. Press, 1987, pp. 376–422. (In Russian)

Chudakov A. P. Sprashivaiu Shklovskogo [Asking Shklovskiy]. *Literaturnoe obozrenie*, 1990, vol. 6, pp. 93–103. (In Russian)

Erlich V. *Russkii formalizm: istoriia i teoriia* [*Russian Formalism: History, Doctrine*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1996. 352 p. (In Russian)

Galushkin A. Eshche raz o prichinah razryva V. B. Shklovskogo i R. O. Jakobsona [Cuases of Conflict between V. B. Shklovskiy and R. O. Jakobson: Revised]. *Roman Jakobson. Teksty, dokumenty, issledovaniia* [*Roman Jakobson. Texts, Documents, Research*]. Moscow, Russian State Univ. for the Humanities Press, 1999, pp. 136–143. (In Russian)

Jakobson R. O. Lingvistika i poetika [Linguistics and Poetics]. *Strukturalizm «za» i «protiv»* [*Structuralism: For and Against*]. Eds. E. J. Basin, M. J. Poliakov. Moscow, Progress Publ., 1975, pp. 193–230. (In Russian)

Jakobson R. O. *Formal'naia shkola i sovremennoe russkoe literaturovedenie* [*Formal School and Modern Russian Literature Studies*]. Moscow, LRC Publishing House, 2011. 280 p. (In Russian)

Kalinin I. Formal'naia teoriia siuzheta / strukturalistskaia fabula formalizma [Formal Theory of Plot / Structural Plot of Formalism]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [*New literary observer*], 2014, vol. 128, pp. 97–124. (In Russian)

Kalinin I. Istoriia literatury kak Familienroman (russkii formalizm mezhdu Edipom i Gamletom) [History of Literature as Familienroman (Russian Formalism between Oedipus and Hamlet]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [*New literary observer*], 2006, vol. 80, pp. 64–84. (In Russian)

Levinton G. A. Zametki o Hlebnikove [Notes on Khlebnikov]. *Russkii avangard v krugu evropeiskoi kul'tury* [*Russian Avant-Garde in European Culture*]. *Proceedings of the conference "Russkii avangard v krugu evropeiskoi kul'tury"*. Moscow, 4–7 January, 1993. Ed. by N. P. Grincer. Moscow, Russian Academy of Sciences Publ., 1993, pp. 125–137. (In Russian)

Mukařovský J. On Poetic Language. In: Mukařovský, Jan. *Struktural'naia poetika* [*Structural Poetics*]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1996, pp. 76–131. (In Russian)

Nepevnyj V. *Viktor Shklovskii i Roman Jakobson: Zhizn' kak roman* [*Viktor Shklovskiy and Roman Jakobson: Life as a Novel*]. Documentary. Russia, TV Channel "Russia-Culture", 2009. (In Russian)

Remizov A. *Kukha. Rozanovy pis'ma* [*Kukha. Rozanov's Letters*]. Berlin, Z. I. Grzhebin Publ., 1923. 231 p. (In Russian)

Ronen O. Audiatur et altera pars: O prichinah razryva Romana Jakobsona s Viktorom Shklovskim [Audiatur et altera pars: Causes of Conflict between Roman Jakobson and Viktor Shklovskiy]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [*New literary observer*], 1997, vol. 23, pp. 164–168. (In Russian)

Shklovskij V. B. *Za i protiv. Zametki o Dostoevskom* [*For and Against. Notes on Dostoevsky*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1957. 260 p. (In Russian)

Shklovskij V. B. *Tetiva. O neshodstve shodnogo* [*On Difference of the Similar*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1970. 376 p. (In Russian)

Shklovskij V. B. *Energiia zabluzhdeniia. Kniga o siuzhete* [*Energy of Erring. A Book on the Plot*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1981. 352 p. (In Russian)

Shklovskij V. B. *O teorii prozy* [*On the Theory of Prose*]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1983. 383 p. (In Russian)

Shklovskij V. B. O poezii i zaumnom iazyke [On Poetry and Sophisticated Language]. Shklovskij V. B. *Gamburgskii schet: stat'i — vospominaniia — jesse (1914-1933)* [*Hamburg Reckoning: Papers — Recollections — Essays*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990, pp. 45–58. (In Russian)

Shklovskij V. B. Pis'ma vnuku [Letters to the Grandson]. *Voprosy literatury*, 2002a, vol. 4, pp. 264–300. (In Russian)

Shklovskij V. B. Tret'ia fabrika [The Third Factory]. Shklovskii V. B. "*Eshhe nichego ne konchilos'…*" ["*Nothing has come to an end…*"]. Moscow, Propaganda Publ., 2002b, pp. 333–394. (In Russian)

For citation: Kalinin I. A. Shklovsky vs. Jakobson: A War of Languages. *Vestnik SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2016, issue 3, pp. 55–63. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.307.

Статья поступила в редакцию 1 ноября 2015 г.
Статья рекомендована в печать 28 марта 2016 г.

Контактная информация:

Калинин Илья Александрович — кандидат филологических наук, доцент; *i.kalinin@spbu.ru*

Kalinin Ilya A. — PhD, Associate Professor; *i.kalinin@spbu.ru*